

- 46 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 162. Л. 2-9; Рязанов А. Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 201-202.
- 47 ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 188. Л. 7-7 об.
- 48 Там же. Л. 3-3 об.
- 49 Там же. Л. 3 об.
- 50 Там же. Л. 4-6.
- 51 Там же. Л. 1-41 об.; также см.: Рязанов А. Ф. Отголоски Пугачевского восстания... С. 205-207; Покровский Н. Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII - середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 49, 70-71; Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 1989. С. 91-92, 98-99.
- 52 Витевский В. Попытка самозванства в XIX веке (солдат Данила Наумов — вел. кн. Константин Павлович) // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 483-486.
- 53 ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 296. Л. 13-21 об.; также см.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические... С. 209-211; Покровский Н. Н. Обзор сведений... С. 73; Казоханин М. Самозванец Калугин // Исторический вестник. 1914. Т. 136. С. 167-173; Серeda Н. А. Позднейшая волнения в Оренбургском крае. Исторический рассказ. II. Самозванец 1845-го года // Вестник Европы. 1868. Т. 4. Кн. 8. С. 631-638.
- 54 Железнов И. И. Уральцы... С. 11, 32, 89.
- 55 Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 485; Побережников И. В. "Картофельные бунты"... С. 16; ГАСО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- 56 Железнов И. И. Уральцы... С. 32.
- 57 Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 1 // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103-130; Он же. Биография оренбургского казака. Статья 2 // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135-163.

PEOPLE'S MONARCHY CONCEPTION IN THE URALS (THE 18th — THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY)

Based on folk-lore and documentary sources, the article gives the analysis of people's idea (peasantry, mining workers, the Cossacks) of the tsarist power institution and relations between the Tsar and society in the 18th — the 1st half of the 19th century. In author's view the basic elements of people's monarchy conception were 1) sacralization of the monarch; 2) tsarist paternalism (an image of the Tsar as "a dear father", who takes paternal care of his subjects — "dear children"; 3) identification of the monarch's interests with people's ones in contrast with the interests of bureaucracy, landowners and worksowners. The belief in tsar's justice and distrust towards power structures increased the hope for the Tsar's participation in solving local conflicts in a form of issuing "kind" decrees, sending tsarist "inspectors" or personal interference of the monarch.

I. V. Pobereznikov

Н. А. Миненко

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К МЕСТНОЙ БЮРОКРАТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Государственные крестьяне на Урале и в Западной Сибири в первой половине XIX в. составляли подавляющее большинство сельского населения. К востоку от Урала, помимо государственных крестьян, была лишь небольшая группа частновладельческих: к

1811 г. последних по всей Сибири насчитывалось 2765 душ муж. пола, к 1858 г. — 1694 души¹. На Урале в середине XIX в. численность крестьянского населения достигла 4421422 чел., из них 3533766 чел. являлись государственными крестьянами². Особенностью государственной деревни было то, что она находилась в непосредственном подчинении у местной бюрократии, представляющей государственную власть. К началу XIX в. у государственных крестьян Урала и Западной Сибири накопился богатый опыт общения с чиновниками, успели сложиться определенные стереотипы в отношении последних, правила поведения. Поэтому интересно именно на материалах первой половины XIX в. исследовать отношение крестьянства к урало-сибирской бюрократии — без этого невозможно оценить общий уровень его политической культуры на завершающем этапе истории феодальной формации.

Наблюдатели отмечали, что, по "народным понятиям", "род человеческий" разделялся "главнейшим образом, на два разряда, именно: на людей и чиновников"³. Это представление о чиновниках как о "не-людях", чьи поступки и образ жизни необъяснимы с позиции разума, присутствует в сказке "Крестьянин и незнакомой человек", записанной А.Н.Зыряновым в середине XIX в. в Шадринском уезде Пермской губернии. В ней приводится разговор царя с крестьянином-дровосеком. Царь заинтересовался, на что расходует крестьянин зарабатываемые им "три полтины". Выяснилось, что одна полтина идет на содержание родителей дровосека, другая — на содержание его детей. "Теперь, — спрашивает царь, — скажи, куда третью полтину девашь?". — "Третью полтину я даром бросаю". — "Как-же даром бросаешь?". — "А вот как, ваше царско величество, видишь-ли, третью полтину даю писаришкам да господам...". — "На что-же они берут с вас эте деньги?". — "Кто? Писаришки-те да господа-те? Ну, кто их знат, на что они берут, как они живут не по-нашему да не по-вашему, царь"⁴. Эти слова крестьянина — "живут не по-нашему да и не по-вашему" — как бы ставят "господ" (а под ними, как следует из содержания сказки, понимаются именно чиновники) за пределы принимаемого народным сознанием мира "людей".

Причем причиной обособления чиновников от "людей", по мнению крестьян, было то, что они "продали" совесть⁵ и забыли Бога. Примечательно в данном случае слова жителя с. Крутые Лога сибиряка Осипа Дехтярева: "...я, по мужичьему званию, завсегда под бедой, как под шапкой, ходил, а поэтому, значит, и завсе Бога помнил!". — "А чиновники-то, по-твоему, разве не помнят Бога?" — обратился к Дехтяреву присутствовавший при разговоре стряпчий. "В редкость!" — был ответ крестьянина⁶.

В ряде мест наблюдателями зафиксировано представление об уездных начальниках как о "колдунах", связавшихся с "дьяволом" и способных "портить" людей. Так, священник из с. Покровского Каинского уезда П.Шалабанов в 1848 г. сообщал руководству Русского географического общества, что в его округе "народ, преимущественно женского пола, в немалом числе страждет от порчи". В числе тех, кто насылал "порчу", назывались "бродяги", "полковники" и пр., а также "исправники" и "заседатели"⁷.

Вообще уездная бюрократия, ближе других стоявшая к деревне, вызывала особенное недовольство со стороны крестьян. Н.М.Чук-

малдин, выходец из дер. Кулаковой Тюменского уезда, вспоминал, что крестьянский мир одних чиновников "знал по именам — это были те, для которых, чередуясь, шли деревенские "поборы". Другие представлялись ему где-то далеко и лишь смутно понимались "как большое начальство". По именам знали исправника, земского заседателя, стряпчего, ветеринарного врача. Причем, как свидетельствует Чукмалдин, для крестьян не существовало "различия между судьей, администратором, доктором — все это были чиновники, которых всех нужно кормить поборами. Их различали лишь по степени вреда, какой могли они нанести обществу — деревне, вместе взятой, или каждому обывателю порознь. Тот чиновник, который брал умеренно "оклады" и не делал особенно злых распоряжений, отзывавшихся тяжелым следом на крестьянском благосостоянии, слыл даже добрым человеком"⁸.

В то, что уездный начальник может проявить бескорыстную заботу о деревне, никто не верил. Деревенский мир, по словам Чукмалдина, "не мог себе представить даже, чтобы чиновник, им управляющий, судья, его судящий, не брал взятки и не мог сделать правым неправого и обратно. Если случалось, что кто-нибудь не принимал подарка, то подноситель объяснял себе дело тем, что "видимо, мало", но никак не тем, что чиновник поступает по сознанию лежащего на нем нравственного долга"⁹. "Бог сотворил два зла: приказного да козла", — говорили крестьяне на Урале¹⁰. За взятку чиновник, по народному мнению, мог пойти на любой подлог. Интересный факт приводится в следственном деле за 1802 г., которое хранится в фонде Верхотурского земского суда. В рапорте Романовского волостного правления уездному начальству, в частности, сообщалось, что жители соседней Меркушинской волости Кирилл Степанов, Тимофей Семенов и Федор Петров Рагозины "усильно запахали" участок, отведенный романовским крестьянам Посниковым. Посниковы попытались "удержать" Рагозиных, "сказывая" им, что имеют на землю указ из нижнего земского суда. На это один из обвиняемых — Кирилл заявил: "Хотя де мы тот указ слышали, но я ево не слушаю, а у меня есть свой указ; а земскому де суду врать можно и вольно написать, что хочет... я де и слушать предписаниев земского суда не хочу". Присутствовавший же при разговоре сын Кирилла Никифор добавил, что "мы, Посниковы, когда снесем земского суда присутствующим пятьдесят рублей, то и дадут нам указ", какой они, Посниковы, захотят"¹¹.

Среди известных чиновников встречались, конечно, отрядные исключения. И крестьяне, как люди весьма наблюдательные, не могли этого не замечать. Однако они не могли не заметить и того, что "добродетельные" люди не задерживались на начальственных должностях. Старик Яков Сыолов из дер. Кокуй Кузнецкого округа, например, говорил: "...ведь на тыщу-то чинов разве один только добродетельный выищется, да и тот... недолговешен в наших местах. Приехал сегодня, повернулся, а там, гляди уж, и нет его"¹². Декабрист А.Е.Розен, оказавшийся в ссылке в Западной Сибири, по этому поводу писал: "Я уже имел счастье назвать начальников, которые взятку не брали и старались выводить это зло, но старания их остались напрасными: подчиненные их с другими правилами умели происками удалить от должности таких полезных начальников"¹³. Р.Пайпс справедливо утверждает, что "коррупция в бюрократическом аппарате дореволюционной России не

была aberrацией, отклонением от общепринятой нормы", а "являлась неотъемлемой частью установившейся системы управления"¹⁴.

Вместе с тем крестьяне осознавали, что поборы, чинимые начальством, есть дело незаконное. Сбор денег на "подарок" чиновнику всегда производился с общинников по решению схода; соответствующая отчетность хранилась в волостных правлениях, однако считалась "черной" (тайной), и от ревизоров ее всегда прятали. Когда в марте 1821 г. верхотурский исправник Болотов во время проверки Меркушинского волостного правления обнаружил "книжки ведения незаконным расходам" (так сами крестьяне называли журналы, в которых регистрировались денежные "дачи" чиновникам), он их изъял. Меркушинское "общество" немедленно постановило собрать с жителей "в подарок" исправнику 1000 руб. — таким образом удалось "выкупить" у уездного начальника "черную" документацию¹⁵.

"Все отношения крестьянина к миру чиновному "искони веков" сопровождалось "поборами", — писал Н.М.Чукмалдин, а потому он был непоколебимо убежден, что "законы святы" да исполнители — "злые супостаты"¹⁶. Последняя пословица имела распространение и на Урале¹⁷. Сила бюрократии заключалась в том в частности, что в ее руках, как считали крестьяне, были все "законы". Не случайным оказывалось стремление крестьян заполучить эти "законы", на чем, кстати, успешно спекулировали иногда волостные власти и уездное начальство. В начале 60-х гг. XIX в., например, житель дер. Клушиной (Западная Сибирь) Анисим Корольков рассказывал писателю Н.И.Наумову, что было время, когда с крестьян вдруг начали собирать деньги на "плакаты". "Товорили тогда, што плакаты выходят, — сообщал Корольков, — што законы экие пишут — плакатом зовут; что у кого де будет плакат в руках, так уж того без причины не моги шевелить... Ну, и платили! Лестно было всякому закон-то экой иметь. Вишь, ведь сторонюшка-то у нас дикая, до закон-то не скоро доберешься; ну, мужики-то и полагали, што уж коли закон-то будет в руке у тебя, так уж житье-то особливое пойдет, не в пример. Опосля только споквятились, што подвох это был один!"¹⁸

Всесилие "письменных людей" — чиновников порождало представление о всесилии "бумаги", "документа", "закона". Поразительно, например, с каким упорством отыскивали в 1842—1843 гг. уральские крестьяне "указ", оформлявший их продажу "в удел" (что понималось ими как передача в частные руки). Им казалось, что стоит только найти этот указ и уничтожить его, и сделка будет недействительной — они по-прежнему останутся государственными крестьянами¹⁹. Доказательством "продажи в удел" сельские жители считали введение у них нового порядка управления (в соответствии с проектом П.Д.Киселева). Поскольку "запродажный указ" не находился, население некоторых волостей готово было удовлетвориться письменным удостоверением от местного начальства, что продажа "в удел" аннулируется. Так, в с. Белослудском крестьяне, захватив окружного начальника, обещали ему "сделать пытку" и требовали "от него подписки, в которой бы пояснил и ручался, что они по-прежнему будут принадлежать Государю Императору и что у них не будет расправ, старшин и кафтанов жалованных... каковую подписку и вынудили от него на сторублевом листе гербовой бумаги...". "Бумага" на время успокоила толпу²⁰.

"Бумажки клочок далеко поволочет", "Худая грамота — спине пагуба", "Что написано пером, то не вырубишь и топором" — эти пословицы в урало-сибирской деревне бытовали не случайно²¹. От "бумаг", как и от тех, кто их составлял и ими повелевал, старались

держаться подальше. Предпочитали удовлетворять притязаниям чиновников, если только они не грозили расстройством хозяйства, а не вступать с ними в борьбу. "К лицам земского начальства поселяне уже приобжили, — сообщал в 1843 г. царю генерал-губернатор Западной Сибири князь П. Горчаков, — и даже без особенного неудовольствия терпят мелкие притеснения, им иногда делаемые..."²² Конечно, генерал-губернатор приукрашал действительность, но был прав, говоря о крестьянском терпении. П. Деви, основательно изучивший события 1842 г. в Камышловском уезде Пермской губернии (главным образом, на основе устных расспросов крестьян, производившихся им в начале 1870-х гг.), удивлялся тому, что участники волнений, жестоко расправлявшиеся со своими выборными начальниками (за "продажу" народа "в удел"), щадили чиновников. "Немногочисленное чиновничество, — замечал он, — которое решалось показываться в это опасное время среди возмущенного народа, не подвергалось, за редкими исключениями, даже оскорблениям... Исправники разезжали из деревни в деревню, и никто их не трогал". Между тем крестьяне были убеждены, что чиновники тоже участвовали в их "продаже" "в удел" (окружной начальник, например, по их мнению, получил за то "пуд ассигнаций"). Народ, по словам Деви, "не отваживался касаться начальства высшего"²³. В данном случае, с одной стороны, проявилась надежда сельских тружеников на то, что чиновников-"миропродавцов" накажет сам государь (они нарушили "закон", изменили царской "воле", продав "в удел" казенную деревню), а с другой — привычка держаться от "приказных" подальше.

Примечателен разговор, записанный в Западной Сибири Н.И. Наумовым, в котором участвовали губернатор и крестьянин из с. Крутые Лога О. Дехтярев. "Вон ты какой! — наивно произнес Дехтярев, с любопытством осмотрев его (губернатора — Н.М.). — Одобряют тебя мужики-то... шибко они, слышь, за тебя Бога молят!.."

— За что же они одобряют меня?.. — спросил губернатор, слегка покраснев.

— Угодил ты им... уж так, брат, угодил, што чиновников-то своих на притужальнике держишь, не даешь им чужое-то добро по карманам шарить...

— Так теперь уж не шарят чужое добро по карманам, а?.. — шутливо спросил у него губернатор.

— Утихли!.. Не слышать што-то, разве где по-малости; ну, так малость-то наш брат и в счет не кладет!"²⁴

Вообще отношение к губернской администрации и другому "высшему" начальству имело свою специфику. С этими чиновниками доводилось встречаться далеко не всем крестьянам, регулярных "подарков" им не делали. В них еще видели своих возможных заступников. Курганский исправник в октябре 1827 г. подал жалобу на крестьянина Арлагульской волости Андрея Скорнякова, который в присутствии уездного начальника "поступал со всею дерзостью", заявляя, что для него исправник и земская полиция ничего не значат и "что он знает высшее начальство". "Завернувшись в толпе народа, будучи в большом озарте, — сообщал о Скорнякове исправник, — кричал мне: "...удостоверь меня, почему я следую в город и приказывает ли главное начальство меня представить. Подай мне о том бумагу..."²⁵

Считалось, что многие беды происходят от того, что "высшее" начальство не в курсе, что уездные чиновники скрывают от него правду. "Вы как слышите, что набольшой начальник едет, — упрекал заседателя крестьянин Максим Арефьич, — так всякого мужика потолковой прячете, чтобы не выболтался...". "Пора, — заключал он, — и вышнему начальству правду знать"²⁶.

Нельзя сказать, чтобы сами крестьяне не старались довести "правду" до этого "вышнего" начальства: они составляли на сходах коллективные прошения, выбирали "доверенных", посылали их в губернские центры, даже в столицу. "Я знал многих крестьян, — писал Н.И.Наумов, — ... которые, отрешившись от хозяйства, толклись с утра и до ночи в передних различных начальников и присутственных мест, держа в руках просьбы... они являлись ходатаями за общество..."²⁷

Особые надежды связывались у крестьян с чиновниками, командированными "высшим правительством". В 1822 г., например, "по Высочайшему повелению" прибыла на Урал специальная комиссия для ревизии казенных горных заводов. Немало жалоб поступило к ней и от местных государственных крестьян. Так, "в проезд членов комиссии из Верхотурья к Богословскому заводу", 29 июня, "остановлены они были шедшими пешком крестьянами разных волостей, наряженными для обработки дороги, состоящей в округе Гороблагодатских заводов"; крестьяне жаловались, в частности на то, что Верхотурский земский суд "большую часть наряженных сначала на сию дорогу людей за полученные от них подарки отпустил в дома, а их одних послал на работу". Губернским властям предписано было проверить справедливость сообщения крестьян. Хотя жалоба в итоге нашла подтверждение, наказания чиновникам не последовало²⁸.

В 1827 г. прибыли в Сибирь сенаторы В.К.Безродный и Б.А.Куракин. "Оба ревизующие сенатора начали свое дело в Сибири как будто бы хорошо, — вспоминал ссыльный декабрист Н.И.Лорер, — разослали объявление, что присланы оказать помощь угнетенным, обиженным, приглашали всякого подавать просьбы, жалобы... Бедный народ думал вздохнуть..."²⁹. Сенаторов буквально заваливали коллективными прошениями и жалобами. В приговоре крестьян Утечьей волости (Курганский округ), например, подписанном 211 представителями 15 деревень, после перечисления претензий к уездным начальникам говорилось: "...со общего согласия из среды себя избрали в доверители Ивана Михалева и Григорья Кочнева, коим поручаем отпраздновать в город Тобольск, явитца к господам сенаторам, ревизующим по Высочайшей воле Западную Сибирь, его превосходительству... Василью Кирилловичу Безродному и его сиятельству князю Борису Алексеевичу Куракину, по всем выше-прописанным угнетениям представить на благоуважительное усмотрение их и униженнейше просить о милостивейшей защите впредь от подобных... угнетений и отягощений..."³⁰ Более осторожно высказывались участники схода в Чистоозерной волости (Ишимский округ): изложив в приговоре (его подписали 385 чел.) свои "отягощения", они предписывали выборным Ивану Шепелину и Максиму Кривоногову ехать в Тобольск к сенаторам и "покорнейше" просить их проверить, нет ли в действиях местных чиновников "что ниест незаконного"; "и естли в каком-либо предмете господа сенаторы усмотрят к нашему угнетению законопротивные действия, — за-вершали крестьяне, — то в таковом случае просить милостивого

их удовлетворения"³¹. Сельские труженики, таким образом, доверяли ревизорам из столицы, видели в них ревнителей "законности". Поверенные Шепелин и Кривоногов представили Безродному и Куракину мирской приговор при собственном письменном сопровождении. "Сила безпримерных добродетелей особ вашего высокопревосходительства и вашего сиятельства, — обращались они к сенаторам, — не только гремят по отдаленным краям Сибири, но даже и в самых престольных градах России; гремящий звук оных коснулся и до слуха доверителей наших, угнетенных судьбою в разных обстоятельствах и просящих законного покровительства и милостивейшего защищения вашего... где ж будут подчиненные искать себе защиты, ежели не в начальниках, покровителях, отцах и строителей щастия подчиненных"³².

Надежда на защиту и поддержку со стороны сенаторов отчасти поддерживалась воспоминаниями о сравнительно недавней ревизии М.М.Сперанского, когда часть взяточников и самодуров лишилась своих постов³³. Ссылным декабристам пришлось следовать буквально по пятам Безродного и Куракина. "Чем глубже вдавались мы в Сибирь, — вспоминал Н.И.Лорер, — тем более нас поражала чистота и опрятность сибиряков... Везде жители встречали нас приветливо и, не знаю почему, называли нас своими сенаторами"³⁴.

Ожидания, однако, и на этот раз не сбылись. "Сенаторы, — пишет Лорер о Безродном и Куракине, — забрали с собой кипы просьб и увезли их в Петербург в полной уверенности, что сделали свое дело, а, между прочим, плуты-чиновники остались на своих местах, продолжая грабить и обирать народ; да в довершение всего пересекли всех, подававших какие бы то ни было жалобы или просьбы"³⁵.

Случившееся не исчерпало, конечно, крестьянской веры в "высшее правительство", в добрых вельмож. Хотя с проявлениями разочарования в "вельможах" приходится встречаться. В сказке "Крестьянин и незнамой человек", о которой уже шла речь, все "князя, бояра и дьяки", все высшее чиновничество характеризуется самим царем как стадо жадных и глупых "гусей", и он рекомендует крестьянину "потеребить" их "через перышко" (что последний успешно и сделал)³⁶. На Урале авторитет "министров" был сильно поколеблен после реформирования управления местной государственной деревней (на Сибирь реформа не распространялась), когда по деревням поползли слухи о "продаже" крестьян "графу Киселеву", "господину Министру". Сельский писарь Сулзин из Курьинской волости Камышловского уезда "разглашал", например, "крестьянам, что будто бы камышловскому окружному начальнику за соглашение крестьян на поступление в удел к господину и за составление о том фальшивых подписок прислано каким-то Министром пуд ассигнаций". Хлебопашцы, "слепо поверив этой нелепости", кричали, что они "Министерских распоряжений исполнять не хотят". "В приговоре Клевакинского сельского общества, — доносили в Петербург местные чиновники, — между прочим, было изъяснено, что о поступлении своем в удел какому-то Господину оно заключает из того, что в найденном им определении о неприкосновенном запасе упоминается только Г.Министр и товарищ его, а Царской Е.И.Величества руки нигде не упомянуто"³⁷. В Каргопольской волости Шадринского уезда крестьяне отыскивали указ, "по которому все они должны принадлежать собственно графу Киселеву, как их Господину, и, полагая, что священник Конетонский обучает

крестьянских мальчиков не для поселян, но для господина Киселева, кричали в собраниях своих, что в Пасху священники будут поминать уже не Государя императора, а графа Киселева³⁸. Жители Далматовской волости "укорали голову, старшину и писаря, что они носят форменные кафтаны не с утверждения Государя императора, а по воле Господина Министра графа Киселева, к которому будто крестьяне и поступают, говоря... что все распоряжения за подписом Министра почитают они фальшивыми"³⁹. "Батюшку-царя обманули... сказали, что мир согласился добровольно быть в уделе за министром... Нет! Покуда живы, без царского повеления не будем за министром!" — бросали в лицо писарю П.Г.Гурину крестьяне Захаровского сельского общества (Камышловский уезд)⁴⁰.

Волнения распространились и на соседние с Уралом уезды Западной Сибири, хотя там сохранялся прежний порядок управления государственными крестьянами. Для успокоения крестьян в Курганский округ выезжал сам генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков, обещая в случае повиновения "не преследовать за бывшие между ними недоразумения". Однако крестьяне с большим недоверием отнеслись к обещаниям генерал-губернатора. Жители Чернавской волости Андрей Головин, Калистрат Белозеров и Павел Баушкин после отъезда Горчакова "при обществах своих произносили оскорбительные слова, относящиеся к поношению чести его сиятельства". Вообще крестьяне полагали, что все местное начальство закуплено "Министром" и верить ему нельзя⁴¹.

Недоверие к местной бюрократии бросалось в глаза всем наблюдателям. Крестьяне старались при любом случае обмануть чиновника. Сама администрация признавала это. Так, советник Тобольского губернского правления Францов писал, что крестьяне "словам чиновников не дают веры"⁴². Генерал-губернатор Горчаков, со своей стороны, свидетельствовал, что трудно уверить крестьянина, "что те распоряжения, против коих возстает его родственник и сосед, выгодны для собственного его благосостояния. В подобном случае крестьянин более поверит своему собрату, чем начальнику"⁴³. По утверждению священника Т.Попова из Татымцкой слободы, хлебопашцы ему "лично говаривали, что они объявляют посев (по запросу начальства — Н.М.) только в половину или немногим более, а остальное скрывают из опасения или по привычке"⁴⁴. Отставной коллежский секретарь Н.Павлов, оказавшийся в г. Далматове (Шадринский уезд) в июне 1842 г., выдал себя за чиновника, командированного "высшим правительством для изследования причин производивших" на Урале крестьянских "возмущений". К нему немедленно потянулись крестьяне — с жалобами, разъяснениями, просьбами. Павлов обещал по прибытии в Петербург довести все это "до сведения знатнейших особ, знающих его с хорошей стороны". Руководитель "бунтовщиков" из Челябинского уезда крестьянин И.Ф.Фадюшин передал ему две копии подложных документов — "указа" Николая I и "предложения" Пермской палаты государственных имуществ, адресованных якобы местным начальникам (последние призывались "привести к подписке" государственных поселян на добровольное поступление "в удел"). Подобными копиями, как уверяли Павлова сельские жители, были наводнены и Челябинский, и Шадринский уезды: начальству удалось изъять лишь малую их часть. Крестьяне "утаивали" от администрации эти "бумаги", намереваясь при случае "переслать их при всепод-

данейшем прощении к его императорскому величеству". Они сами не верили в подлинность "указа" царя (копию с которого передали Павлову), считая его произведением местных начальников, которым абсолютно не доверяли. "При таковой недоверчивости к своему начальству крестьян, — писал позднее "секретно" в Петербург Павлов, — можно заключить, что это уже не начальники, которые не умели приобрести любовь и доверенность к себе своих подчиненных"⁴⁵.

П.П.Семенов-Тянь-Шанский отмечал во время своей поездки по Сибири, что здешним крестьянам-старожилам "легче было выкладывать свою душу в разговорах с людьми, приехавшими издалека и не принадлежащими к их местным бюрократическим притеснителям-чиновникам"⁴⁶.

"И снова мне пришлось убедиться в той горькой истине, — писал Н.И.Наумов, — что лицо, облеченное властью, никогда не узнает от народа правды. Я не раз задавал себе вопрос: почему это? Почему крестьянин, обладающий значительной наблюдательностью, способный сразу увидеть, что человек, задающий ему подобные вопросы, руководится добрым желанием принести ему же пользу, оградить на будущее время его интересы, — никогда не откроет истины?" Когда, например, Наумов проводил следствие по делу об убийстве жителя дер. Кокуй Тарсминской волости Кузнецкого округа, старик Яков Сыслов откровенно ему заявил: "Не ищи лучше, батюшка: ничего ты не найдешь! У нас все знают, кто убил, да никто тебе не скажет"⁴⁷.

С.И.Гуляев писал о трудностях, с какими ему приходилось сталкиваться при поисках древних книг. В 1860 г. он сообщал И.И.Срезневскому из Барнаула: "Приобретение сборника сопряжено было с некоторыми затруднениями, при том недоверии, с каким простой народ у нас смотрит на чиновника, собирающего, хотя и частным путем, не Бог весть для какой цели, разные сведения..."⁴⁸

Недоверие к администрации было выстрадано крестьянством. "А ты точно корил начальство? — спрашивал одного из крестьян Н.И.Наумов. — Корил, не таюсь! — Чем же? — Неправдами ихними, непотребством... Похвалишь разве, штоль, коли высшего чина люди заместо того, чтоб мужика научить по закону жить да правду блюсти, в яве торгуют ей! Какой ты ни будь мошенник, какой ты ни будь вор, да коли ты денежный человек, то за все сух из воды выйдешь... Чего же, милый, ведь глаз-то не завяжешь у людей..."⁴⁹

Чиновничество, по мнению крестьян, не выполняло, следовательно, своего предназначения — "правду блюсти". На этом постулате и строили государственные крестьяне собственное отношение к местной бюрократии. Д.А.Сафонов, исследовавший социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в 50—60-е гг. XIX в., пишет о "полном кризисе доверия" казенных поселян к местным властям⁵⁰. Оценку эту можно распространить на всю территорию Урала и Западной Сибири. Важно, однако, подчеркнуть, что крестьяне и в середине XIX в. не отождествляли действия местной администрации с политикой центрального правительства, не считали ее проводником "царской воли". И в известной степени они были правы. "Из каждого административного распоряжения высшей власти, — писал о чиновниках Западной Сибири декабрист Н.В.Басаргин, — они извлекают только то, что им выгодно, и в этом смысле стараются привести его в

исполнение"⁵¹. "Закон, честь, совесть, присяга, все здесь попирается..." — так характеризовал действия тех же чиновников другой декабрист — А.Н. Муравьев, служивший некоторое время исправляющим обязанности тобольского гражданского губернатора⁵². В книге "Путешествие в Тянь-Шань" П.П. Семенов-Тянь-Шанский говорит о чиновниках восточных окраин государства как об "отбросах русской бюрократии"⁵³. Можно привести еще немало подобных авторитетных свидетельств. Так что не следует преуменьшать степени рационализма крестьянского общественного сознания и объяснять дифференцированность отношения крестьян к царю, правительству, закону и местной бюрократии ("исполнителям-супостатам") их политической "невежественностью", "забитостью и темнотой", "царистскими иллюзиями".

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 246.
- 2 История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 416.
- 3 Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки С. Турбина и Старожила. Спб., 1872. С. 36.
- 4 Пермский сборник. М., 1859. Кн. 1. С. 123.
- 5 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Спб., 1897. Т. 1. С. 294.
- 6 Там же. С. 19-20.
- 7 Архив Географического об-ва. Разр. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.-3.
- 8 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Спб., 1899. С. 51.
- 9 Там же. С. 48.
- 10 Сборник пословиц и поговорок, записанных в Камышловском уезде В.Г. Олесовым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1884. Т. VII. Вып. 1. С. 192.
- 11 ГАСО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 - 7 об.
- 12 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 303.
- 13 Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 306, 308.
- 14 Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 370.
- 15 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 69. Л. 56-58.
- 16 Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. С. 48.
- 17 Сборник пословиц... С. 198.
- 18 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 298.
- 19 РГИА. Ф. 383. Оп. 7. Д. 6632. Л. 10; Мальцев М.В. "Картофельный бунт" в Тобольской губернии // Омская область. Омск, 1938. № 11—12. С. 112; Кокосов В. Картофельный бунт // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 600-608; Валевский М.С. Волнения крестьян в Зауральской части Пермского края в 1842—1843 гг. // Русская старина. 1879. Т. 26. Кн. 11. С. 411-432; Кн. 12. С. 627-646.
- 20 РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5760. Л. 19-21.
- 21 Школдин П. Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Жур. заседаний Моск. об-ва сельского хоз-ва. 1863. Кн. 1. С. 39; Сборник примет, поверий, пословиц, поговорок и загадок, записанных в Ирбитском уезде Н.П. Булычевым // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1876. Т. 3. Вып. 2. С. 117; Сборник пословиц... С. 192.
- 22 РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 307. Л. 3 - 3 об.
- 23 Деви П. Картофельный бунт в Пермской губернии // Русская старина. 1874. Т. 10. № 5. С. 86-91.
- 24 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 1-2.
- 25 РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 82. Л. 3 - 6 об.
- 26 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Спб., 1897. Т. 2. С. 28.
- 27 Там же. Т. 1. С. 291.
- 28 ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 69. Л. 43-89.
- 29 Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 127.
- 30 РГИА. ф. 1376. Оп. 1. Д. 35. Л. 66-69 об.
- 31 Там же. Л. 3 - 6 об.
- 32 Там же. Л. 1 - 1 об.
- 33 См.: Карцов В.Д. Декабрист Г.С. Батеньков. Новосибирск, 1965.
- 34 Лорер Н.И. Записки декабриста. С. 125.
- 35 Там же. С. 127-128.

- 36 Пермский сборник. Кн. 1. С. 123-124.
 37 РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5760. Л. 8 - 9 об.
 38 Там же. Оп. 7. Д. 6632. Л. 10 - 10 об.
 39 Там же. Оп. 6. Д. 5760. Л. 33 - 33 об.
 40 Деви П. Картофельный бунт... С. 98.
 41 Бочарникова В.И. Реформа П.Д.Киселева и волнения государственных крестьян Тобольской губернии в 1843 г. // Исторические записки. 1961. Т. 70. С. 292.
 42 Мальцев М.В. "Картофельный бунт"... С. 112.
 43 РГИА. Ф. 1589. Оп. 1. Д. 307. Л. 3 об.
 44 Попов Т. Слобода Такмыцкая // Тобольские губ. ведомости. 1866. № 6. С. 34.
 45 РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 319. Л. 1 - 68.
 46 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1958. С. 46.
 47 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 302.
 48 Былины и песни Алтая. Из собрания С.И.Гуляева. Барнаул, 1988. С. 319-320.
 49 Наумов Н.И. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 1. С. 300.
 50 Сафонов Д.А. Социально-политические воззрения крестьянства Южного Урала в середине XIX века. Оренбург, 1993. С. 95.
 51 Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 111.
 52 Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 379-381.
 53 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие... С. 47.

THE ATTITUDE OF STATE PEASANTS IN THE URALS AND WESTERN SIBERIA TOWARDS LOCAL BUREAUCRACY IN THE 1ST HALF OF THE 19th CENTURY

The attitude of Ural and Siberian peasantry towards local bureaucracy is viewed as being negative. In the author's opinion the peasants regarded local authorities as an unnecessary, corrupted, self-interested statum, which did not perform its designated function, acting normally against the will of the monarch and central authorities. The article indicates the existence of certain differentiation in the peasants' attitude towards bureaucracy: as moving from lower administrators to higher ones, the attitude becomes more positive. It is explained by less intensive contacts of the peasants with bureaucratic elite.

N.A. Minenko

Л.Г.Захарова

О "ЛИЧНОМ ФАКТОРЕ" В ИСТОРИИ: РОЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II В ПРОВЕДЕНИИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ 60—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В РОССИИ

Александр II вошел в историю как царь-освободитель, единственный из русских самодержцев, удостоенный этого "титула". Он не был назван современниками и историками Великим, как Петр или Екатерина, но реформы его осознаны и определены как Великие. Тем интереснее попытка выяснить его роль в том историческом переломе, который пережила Россия в 60-х годах XIX века и последствия которых сказались в противоречиях XX века.

Характерны и знаменательны хронологические рамки жизни и царствования Александра II, органично вплетенные в ткань истории страны. Он родился в 1818 году (17 апреля, в Москве, в Кремле). По признанию Н.М.Карамзина и многих будущих декабристов, образованная Россия тогда была взволнована обещаниями императора Александра I дать конституцию русским подданным, публично